

ОХОТА НА ЗВЕРЯ

САМЫЙ ОПАСНЫЙ ЗВЕРЬ — ЧЕЛОВЕК

ПРОРЫВ ГОДА
В ОБЛАСТИ
ЛИТЕРАТУРЫ
2023

АЛИСА МИНН
ВАЛЬДЕС

Территория лжи

Алиса Линн Вальдес

Охота на зверя

«Азбука»

2023

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Вальдес А.

Охота на зверя / А. Вальдес — «Азбука», 2023 — (Территория лжи)

ISBN 978-5-389-31322-4

Охота на человека – возможно ли даже предположить такое в наши дни? Джоди Луна, оставившая Бостонский университет ради работы егерем в родном штате Нью-Мексико, в первую же неделю вынуждена задаться этим вопросом: туристы находят среди живописного поля отрезанную женскую руку... Джоди – не новичок в этих диких краях: ее семья жила здесь на протяжении нескольких поколений. Принципиальная и решительная, инспектор Луна пытается навести на своем участке порядок – но как это сделать, если пойманный ею на месте преступления браконьер Трэвис вместо раскаяния грозит принять ответные меры, а продажная полиция бездействует? Игра в кошки-мышки приводит Луну к шайке сторонников превосходства белой расы, которые похищают цветных женщин, чтобы угодить своему жестокому лидеру по кличке Генерал Зеб. И Джоди вступает в смертельное противостояние с бандитами, которое грозит опасностью не только ей самой, но и ее близким.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-31322-4

© Вальдес А., 2023

© Азбука, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алиса Линн Вальдес

Охота на зверя

Серия «Территория лжи»

Alisa Lynn Valdés
THE HOLLOW BEASTS

Copyright © Alisa Lynn Valdés, 2023 All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в приобретении прав

Перевод с английского *Ольги Кидвати*

© О. Кидвати, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025 Издательство Иностранка®

Пролог

У Наталии не было ни бумаги, ни ручки. И карандаша не было тоже. Вообще ничего. Только собственное хриплое дыхание, только астма. Только дыра в земле, где держали ее эти люди. Ее и еще двух девушек. Одна из них, Паола, рослая, с высокими скулами, все твердила, что ее отец придет и спасет их всех. Вторая, Селия, маленькая и кругленькая, говорила с акцентом. Она обняла Наталию и заверила, что все будет хорошо. А еще пообещала запомнить письмо, которое Наталия сочиняла здесь, в их странной тюрьме, где не было бумаги, ручек и карандашей. Между приступами задыхающегося кашля Наталия составляла послание родителям, снова и снова пересказывая его себе – и Паоле с Селией, которым волей-неволей приходилось слушать, – а потому запомнила целиком, до последнего словечка. Не то чтобы очередные версии ее послания совсем не отличались друг от друга, но разницей можно было пренебречь. Сидя во тьме на холодном влажном земляном полу глубокой ямы, провонявшей их выделениями (девушки отвели под них определенное место, но это не помешало зловонию распространиться повсюду), Наталия обнимала прижатые к груди колени. На ней по-прежнему был лишь скромный сплошной купальник мандаринового цвета и белая накидка. То есть когда-то белая. Теперь ее покрывали грязь, пыль, кровь, пот, слезы и прочие присущие животным субстанции. Наталия покачивалась туда-сюда. Откуда-то издалека, сверху, до нее донеслось ритмичное постукивание. Дятел долбит, сказала Селия. Сосредоточьтесь на этом звуке, на птице, подумайте, как она свободна. Мы тоже снова будем свободны. Тук-тук-тук.

Они находились посреди леса, вдали от цивилизации. Вдали от помощи. Вдали от дома. Наталия все покачивалась и покачивалась, стараясь не закричать. Именно так всякие психи ведут себя в фильмах про сумасшедших, подумалось ей. Вот, значит, почему такое происходит: просто чувства, которые их захлестывают, настолько сильны и ужасны, что приходится двигаться, лишь бы не дать им поглотить себя, не утонуть в них. Наталия цедила слова сквозь сжатые зубы, устремив взгляд в никуда, в земляные стены темницы. Тут нечего было видеть, кроме этой ямы, как будто всех трех девушек уже положили в гробы и похоронили. Ей вспомнилось выражение «краше в гроб кладут». Вроде бы забавное, правда же? Шутка такая. Только вот если тебя действительно опустят в землю, становится не до смеха. Ничего веселого в этом нет. Совсем-совсем ничего. Наталия не знала, сможет ли когда-нибудь смеяться снова. Две другие девушки просто смотрели и слушали. Она умоляла соседок по заточению запомнить слова письма и повторить их ее родителям, если самой Наталии не удастся этого сделать.

– Передайте, что я прошу прощения. И что я их люблю.

– Не говори так, – попросила Селия. – Сама все им скажешь.

– Да, – поддержала Паола. – Нельзя терять надежду. Я же говорю, мой отец уже близко.

– Дорогие мама и папа, – проговорила Наталия, не обращая внимания на них обеих. Она пыталась справляться с ситуацией, как могла. – Извините, что я вас разочаровала. Я не хотела.

– Только не начинай! – Паола со стоном стукнулась затылком о земляную стенку.

– Не надо! – С этими словами Селия сунула ладонь между головой подруги по несчастью и стеной.

– Дорогие мама и папа, извините, что я вас разочаровала. Я не хотела. Я купалась с Кристофером в том бассейне, который с горками. Знаю, вы и велели мне за ним приглядывать, но мне срочно понадобилось в туалет, а вы как раз опять спорили, были ужасно сердитые на вид и пили коктейли с зонтиками, поэтому мне не хотелось вас беспокоить. К тому же Крису ведь уже двенадцать, а не три года, он хорошо плавает, чуть ли не лучше меня, и вообще он был в мелкой части бассейна, а вокруг – целая куча спасателей. А мне просто по-маленькому надо было, и я подумала, что сразу вернусь. Ну и побежала в уборную: не в бассейн же писать, это никому не понравится. Такое только младенцам простительно, но я-то не младенец.

Я никого не видела. Ни в коридоре перед женским туалетом, ни внутри. А когда я вышла из кабинки, тот человек уже стоял в холле перед автоматом с напитками. Такой вроде обычный с виду, хоть и урод. Он сказал, что автомат ему колу не выдает, она будто бы застряла, и попросил помочь. Окликнул меня, чтобы я мимо не прошла, назвал «мелкой» и спрашивает: «Эй, мелкая, ты по-английски говоришь?» Дурацкий вопрос, вообще-то. Я ответила, что, конечно, говорю, а он на это сердито так: «В наше время всякое бывает». А потом сказал, что наклонит автомат, и попросил, чтобы я стукнула по корпусу. Я еще подумала, что незнакомые мужики могут оказаться опасными, но ведь кругом были люди! В общем, я предложила: «Может, вам деньги нужны на газировку? Давайте я вам доллар дам, и вы еще себе купите». Достала из кармана накидки доллар и протянула ему. А доллар был из папиного выигрыша в казино, из той пачки, которую он поделил между мной и Крисом и велел не тратить всё сразу в одном месте. Этот мужик, он на крысу похож, ужасно разозлился, что я ему деньги попыталась сунуть. Типа его это оскорбило. Он осмотрелся по сторонам, никого не увидел и схватил меня за волосы. Я попыталась кричать, но мужик сказал, что у него пистолет и, если я издам хоть звук, он убьет меня, а потом и моего младшего брата Кристофера. Он знал имя Криса. Поэтому я решила, что он говорит серьезно.

Наталия прервала свою речь, потому что раскашлялась. Она больше не плакала. Наверное, она рассказывала свою историю уже в миллионный раз, и все время ломалась на этом месте. А теперь на нее накатывало оцепенение. И физическое, и эмоциональное. Она словно онемела. Ничто не имело смысла. Тук-тук-тук.

– Папа будет меня искать, – сказала Паола. Наталия заметила, что та говорит как персонаж реалити-шоу, с интонациями избалованной богачки. – Он глава совета племени, очень влиятельный человек. Очень. У него своя полиция. Так что все будет хорошо.

Наталия вскинула руку кверху: она не собиралась быть невежливой, просто ей не удавалось сосредоточиться на своем письме. Думать становилось все сложнее. И ужасно хотелось пить.

– Дорогие мама и папа, – опять начала она.

– Ой, да прекрати ты! – возмутилась Паола.

– Хватит ее останавливать, – обратилась к девушке Селия. – Она просто напугана. – Селия дотронулась до руки Наталии и попросила: – Расскажи нам про них. Про маму с папой.

– Мама – директор школы. А папа – менеджер, машины продает. «Тойоты». Раньше учителем был, так они с мамой и познакомились. Но когда родился брат, денег стало не хватать, поэтому папа сменил работу.

– Уверена, они уже ищут тебя, – заявила Селия. – Все будет хорошо. Поняла? Точно тебе говорю.

– Если только ты не сведешь меня с ума, повторяя одно и то же, – буркнула Паола. – Тогда в любом случае ничего хорошего не выйдет. Пока папа не появится. Но я знаю, он уже идет. Я чувствую.

– Да дай ты ей закончить письмо! – попросила Селия. – Тебе жалко, что ли?

– Да на здоровье! Только чего она все время с начала начинает? Так никогда до конца не доберешься.

Наталия не хотела, чтобы подруги по несчастью ее возненавидели. Они были нужны ей. Значит, нужно попытаться вспомнить, на чем она остановилась.

– Хорошо, – согласилась она, – я начну с того места, где прервалась. Ладно?

Теперь я думаю об этом, и мне ясно, что нужно было кричать, отбиваться и всякое такое, даже если бы он в меня выстрелил. На шум кто-нибудь прибежал бы, и, может, преступник не рискнул бы палить во все стороны. Хотя не знаю. Я сглупила и, когда он велел идти с ним, пошла, ведь если тебе в спину тычут стволом, почти всегда выполняешь требования. Надеюсь, где-нибудь там были видеокамеры. Надеюсь, вы меня ищете. Надеюсь, полиции все известно.

Он такой уродливый, мама. И папа. Не только с виду, хоть и похож на тощую крысу-утопленницу, но даже изнутри. От него плохо пахнет, как будто он никогда не чистит зубы, и в машине у него воняет, как от клеток в приюте для бездомных животных. Она была припаркована прямо за рестораном.

Он заставил меня пересечь с ним холл гостиницы, и люди смотрели на нас с подозрением, ведь нечасто встретишь похожего на крысу придурка, который разгуливает с шестнадцатилетней девушкой в купальнике, правда? Но никто ничего не сказал и не сделал. Теперь, когда я об этом думаю, я ужасно на себя зла. Можно же было просто закричать, что он уводит меня насильно, но этот его пистолет... мужик так и тыкал им мне в спину. Я боялась, как бы он не застрелил еще кого-нибудь. И была вообще не в себе. Совсем ничего не соображала. Не понимала, что происходит. Он сказал, что знает, где мы живем, и застрелит вас, если я попытаюсь сбежать. Теперь-то до меня дошло, что он просто наврал, ведь мы же на отдыхе! Да этому мужику и за миллион лет не узнать наш адрес, потому что мы только-только приехали в Вегас аж из Рино! Очень глупо вышло. Поэтому я прошу прощения. Я такая тупая! Вообще головой не подумала.

– Не говори так, – возразила Селия. – Ты поступила так же, как на твоём месте поступил бы любой. Как и я. И Паола.

Наталия покачивалась и кашляла. Наверху раздались мужские шаги: вокруг ямы явно собрались несколько человек. Одну из ветвей отодвинули в сторону, и Наталия услышала приглушенные голоса. Мужчины толковали о том, что кого-то из пленниц нужно вытащить, и решали, кого именно.

– Дорогие мама и папа, – снова начала Наталия.

– Ну вот, здарсьте пожалуйста, – выпалила Паола.

– Хватит! – потребовала Селия.

– Мелкую! – завопил похожий на крысу тип, и остальные захохотали. – Она перхает, как крыльщик лет семидесяти. Может, Трэвис хотя бы ее поймает. Она тормознутая.

Наталия все раскачивалась из стороны в сторону, пытаюсь вспомнить, на чем она остановилась. На том, что похититель прижал ее всем телом к машине, как страстный влюбленный, и, заставив сложить руки перед собой, перехватил запястья пластмассовой стяжкой? Или на том, что он велел ей быть хорошей девочкой, сесть на пассажирское место и вести себя, «как будто мы лучшие друзья»? А может, на том, что он на ходу открыл дверцу и выпихнул ее, «охреть какую везучую», чуть ли не под колеса автомобилей? Или она рассказывала, как на пустыре, когда этому типу осточертело слышать ее плач, он позволил ей сделать несколько глотков его нагретой газировки, а потом затолкал в багажник, к банкам с машинным маслом и запаске? Наталия чуть не задохнулась там и попыталась сосредоточиться, из последних сил припоминая движения, которые в прошлом году разучила ее чирлидерская команда, представляя, будто она вновь на футбольном матче и мама с папой широко улыбаются ей с трибуны, и лица у них раскрашены в синий, белый и золотой – цвета ее школы.

Все закрывающие яму ветки отодвинули, и Наталия с Селией зажмурились от яркого полуденного солнца. Вокруг не было ничего, кроме леса. Наталия даже не знала, в каком они штате, ей лишь было известно, что похожий на крысу тип вез ее сюда около трех дней.

– Дорогие папа и мама, – пробормотала она. До сих пор у нее только зубы стучали, а теперь все тело била дрожь.

– Эй ты! – ткнув в сторону Наталии пистолетом, бросил главарь. Он был высок, силен и подтянут; остальные звали его Генерал Зеб. Наталия подумала, что он похож на молодежного пастора из их церкви, одного из тех консервативных парней, которые стараются выглядеть крутыми. – Вылезай. – И сбросил в яму веревочную лестницу.

Наталия раскачивалась, обнимала себя руками и кашляла.

– Дорогие мама и папа, – снова пробормотала она.

– Гоните ее сюда, – рявкнул Генерал Зеб, – или я вас всех перестреляю, и мы начнем сначала.

– Давай, – Селия встряхнула Наталию, – ты должна подняться к ним.

Та очнулась и посмотрела на нее.

– Что им надо?

– Не знаю. Но там, наверху, у тебя будет больше возможностей убежать и спрятаться, чем тут. Если появится шанс, воспользуйся им. Сбеги, Наталия.

– Запомни мое письмо, – попросила девушка, и Селия сжала ей руку.

– Запомню. И передам твоим родителям слово в слово. Только это не понадобится. Ты убежишь. И вернешься домой.

– О'кей, – сказала Наталия, заставила свое замерзшее ноющее тело выпрямиться и двинулась к лестнице. Она ослабла от нехватки пищи и воды. Сердце стучало быстрее, чем клюв дятла, пока она карабкалась, ставя обе ноги на каждую ступеньку, и вот наконец голова поднялась над краем ямы. Когда девушку привезли сюда, стояла глухая ночь, и ей не удалось почти ничего увидеть, лишь костер да несколько палаток. Пахло пивом и жареным на открытом огне мясом. Трое мужчин избавили пленницу от пластиковой стяжки, окинули взглядами, дали пару глотков воды из фляги, а потом бросили в яму глубиной метров пять-шесть, в темноту.

Теперь Наталия увидела лагерь при свете дня. Он расположился среди высоких сосен; куда ни глянь, кругом стоял густой лес, который со всех сторон окружали горы. Все мужчины носили камуфляж, их лица были разрисованы черным и зеленым, и на каждом – оранжевый жилет. Охотничий, подумалось ей. Папа с удовольствием брал их с братом рыбачить на реку Траки. Наталия знала достаточно, чтобы понять: эти люди одеты для убийств. В лесу был припаркован грязный белый грузовик. И все это в глуши, у черта на куличках. А еще Наталия видела ружья, много ружей. К стволу одного дерева был пришпилен флаг Мексики, испещренный пулевыми отверстиями. Еще здесь был длинный пластмассовый складной стол, где лежали провода и какие-то детали для электрического прибора. Тут явно что-то мастерили. А потом у себя за спиной Наталья заметила маленького жалкого мертвого оленя. Его подвесили, привязав вниз головой за задние ноги к ветке, он чуть покачивался, и из раны на шее сочилась кровь, капая в белое пластиковое ведро. Тут-тук-тук. Вот, значит, где источник звука.

Девушка заплакала, вернее, заскулила, испуганно и тихо.

– Нравится? – спросил Генерал Зеб, когда они вместе с похожим на крысу негодяем подняли пленницу и вытащили из ямы. Он показывал на оленя.

– Нет, – пробормотала она.

– Олени вкусные, – заметил похожий на крысу.

– Заткнись, – бросил третий, лысый.

– Я хочу домой, – всхлипнула Наталия.

– Ну, – осклабился Генерал Зеб, – пока ты сможешь бежать быстрее этого оленя, шанс туда попасть у тебя есть.

Глава 1

У отрубленных голов есть одно характерное свойство. Их запах никогда не бывает приятным, даже если они свежие (а конкретно эта голова такой не являлась), и уж тем более в такой теплый пятничный июньский денек, как сегодня. К тому же ничто вокруг не могло замаскировать эту вонь: ни терпкий ветерок, колышущий ветви бесчисленных орегонских сосен, ни влажный запах земли и летней грозы, которая уже ушла в сторону горы, ни, как выяснилось, даже знаменитый одеколон «Олд спайс», которым злоупотреблял егерь из Нью-Мексико, Элой Атенсио.

Этот благоухающий семидесятипятилетний усатый мачо, рост которого с учетом ботинок равнялся ста семидесяти сантиметрам, был когда-то силен и крепок, как участник родео. В те дни черно-серая форма обтягивала его тело, как кожа сардельки. Возможно, Элой предпочел бы сейчас сидеть дома перед тарелкой приготовленного его женой Мартой супа *посоле* с чили, а не вытаскивать подгнившую башку из кузова ржавого белого пикапа на старой лесовозной дороге заказника Сан-Исидро, но он не роптал. С силой, которой не ждешь от настолько немолодого человека, егерь просто схватил голову за рог, качнул туда-сюда, будто тачку с кирпичами, и потащил к служебному фургону Департамента охраны рыбных ресурсов и дикой природы¹ Нью-Мексико, черному четырехдверному «Шеви-сильверадо 2500». На передних дверцах красовалась эмблема департамента, серебряная звезда внутри круга. Суета растревожила мух, они с жужжанием повывлетали из мертвых глазниц оленя, немного покружили и вернулись на прежнее место, чтобы продолжить трапезу.

Неподалеку стояли еще два человека. У первого, высокого лысого мужчины, шея была шире продолговатой головы, а вместе эти части его тела напоминали большую белую пулю, пробившую ворот рубашки и куртки. Одежда лысого состояла из чересчур щегольских и не сочетающихся между собой камуфляжных вещей. Примерно тридцати пяти лет и под два метра ростом, он вел себя нетерпеливо и шумно. Вторым человеком была Джоди Луна, егерь-стажер, которая следила за лысым, как мать-ворониха следит за появившимся у гнезда ястребом. Хоть Джоди и была на целую голову ниже, казалось, за ней не заржавеет вытащить из кобуры казенный «Глок-40», если верзила начнет наглеть. В свои сорок пять благодаря непреклонной силе воли и вопреки артриту колена Джоди состояла в основном из мышц и по-прежнему весила столько же, сколько двадцать лет назад: 56 килограммов. Ее длинные прямые волосы, темные, с несколькими серебристыми прядями, были собраны в густой хвост, пропущенный сквозь зазор сзади форменной кепки. Полгода назад Джоди успешно прошла медосмотр, включающий проверку психики, и стала самым старшим стажером, когда-либо зачисленным в природоохранительное ведомство Нью-Мексико. Поразительная смена карьеры для бывшего профессора поэзии, но никто из по-настоящему знавших Джоди не удивился ее выбору.

Она яростно защищала своего коллегу Атенсио, и не только потому, что тот был ее наставником, вдобавок пожилым, а сегодня в последний раз заступил на службу перед выходом на пенсию. Просто он был еще и одним из тринадцати дядьев и теток Джоди, с которыми она выросла здесь, в округе Рио-Трухас, в центре северной части штата Нью-Мексико. Самый старший брат ее матери, Атенсио относился к числу наиболее свободомыслящих и начитанных представителей своего поколения семьи, что говорило о многом, поскольку остальные обычно довольствовались всего одной книгой, к которой обращались в основном по воскресеньям. Относительный прагматизм Атенсио казался тем более примечательным, что он почти

¹ В США этот департамент относится к полиции, и егеря, соответственно, являются полицейскими. – *Здесь и далее примеч. пер.*

не покидал родного округа, если не считать еженедельных поездок на юг, в большую публичную библиотеку Санта-Фе.

Дядя был наставником Джоди во время шести месяцев ее полевой подготовки и ни разу не спросил, почему она оставила вроде бы совершенно не связанную с дикой природой жизнь известной поэтессы и научного работника в Бостоне, вернувшись в обширный, но малонаселенный округ. Ведь в восемнадцать лет, уезжая на Север, она клялась, что ноги ее больше тут не будет. Именно Атенсио учил племянницу, когда та была еще девочкой, охотиться и рыбачить и знал, как хороша она во всем, что касается жизни под открытым небом. Знал, как страстно она защищает живую природу. Элоя беспокоило, как бы департамент не взял на его место какого-нибудь чужака, поэтому он на целых десять лет задержался с выходом на пенсию. И пусть Джоди не была идеальным кандидатом, она оставалась родней и местной жительницей, которой до всего тут есть дело. Именно ей предстояло с завтрашнего дня занять пост единственного егеря на огромной территории площадью почти тринадцать тысяч квадратных километров.

– Раньше здесь была свободная страна, – проворчал браконьер.

Джоди показала изящным подбородком в сторону наклейки с флагом Конфедерации, закрывающей чуть ли не половину заднего окна его пикапа, прищурила умные темно-карие глаза и парировала:

– Ваш флаг ясно указывает на иное.

Атенсио слегка крикнул, закидывая трофейную оленью голову в кузов служебного автомобиля; чтобы совершить это достижение, ему пришлось несколько раз крутануться, как олимпийцу при толкании ядра.

– Тик-так, тик-так, – буркнул Элой Джуди, барабанил по циферблату своих наручных часов. – Dale un ticket al maldito gringo ese, ya, sobrina.

Что приблизительно переводилось как: «Давай, племяшка, выпиши уже штраф этому проклятому гринго».

Браконьер ухмыльнулся, услышав непонятные слова, и вздернул голову, будто в его адрес только что отпустили оскорбительную шуточку.

– Это Америка, – заявил он. – Говорите по-английски.

– Отрадно знать, что вам известно, где вы находитесь, – заметила Луна. – Потому что здесь, в Америке, независимо от языка, законом запрещено охотиться на оленей в июне.

– Я просто пытаюсь прокормить семью, – пробормотал здоровяк.

– Вы планировали скормить домочадцам голову, которой самое место над камином?

– А туша валяется выше на холме, выброшенная, – поддержал Атенсио. – Прибереги это вранье для своей мамочки, парень.

– Не смейте упоминать мою мать! – вспылал браконьер.

– Согласна, давайте сменим тему, – предложила Джоди. – Поговорим о том, что мне нужно взглянуть на ваши водительские права.

– Они в бардачке, – сообщил лысый.

– Тогда вам лучше достать их оттуда.

– Только медленно, и держи руки так, чтобы мы могли их видеть, – предупредил Атенсио, расстегивая кобуру и вынимая оттуда пистолет.

Джоди старалась не думать о статистике, по которой должность егеря (иначе – инспектора Департамента охраны природы) считалась в органах правопорядка самой опасной, а всё потому, что егеря патрулируют в одиночку, если только не готовят себе смену. Они работают в глуши, в отдаленных местах, где часто не бывает радиосвязи и не ловят мобильные, и тогда для связи остаются только спутниковые телефоны, сплошь и рядом ненадежные. А подозреваемыми обычно оказываются вооруженные браконьеры, в которых ни на грош нет уважения к жизни и к закону. Их основной принцип: «Нет свидетеля – нет преступления», а от него рукой

подать до желания заслужить уважение корешей, пристрелив егеря. Широкая публика даже не догадывалась, как часто происходят подобные вещи. По последним данным, егеря получали пулю или удар ножом в семь раз чаще, чем городские копы, хотя, конечно, статистику мало кто знал. Впрочем, мало кто вообще знал даже о существовании егерей. Обыватели часто путали их с лесничими. В наши дни из американцев старше шестнадцати лет лишь пять процентов бывали на охоте и пятнадцать – на рыбалке, причем большинство из них ограничивались всего одной попыткой.

Браконьер извлек из кармана синий нейлоновый бумажник. Джоди увидела на нем нарисованную вроде бы золотистой ручкой эмблему в виде пирамидки с глазом, похожую на ту, что изображена на долларе.

– Вот, пожалуйста. – И браконьер воззрился на нее, покачивая правами, которые зажал между большим и указательным пальцами. В глазах у него будто отражался пляшущий синий огонек газовой горелки.

– Трэвис Юджин Ли, – прочла Луна вслух. – Из города Меса, Аризона. Подождите здесь, Трэвис.

Атенсио кивнул, давая Джоди понять, что последит за нарушителем, и она вернулась к служебному автомобилю, чтобы проверить права и выписать квитанцию на штраф. Однако в этой части леса почти не было ни связи – ни сотовой, ни радио, – ни интернета. Похоже, мерзавцу повезло.

Джоди вырвала из книжки квитанцию штрафа, вернулась к белому фургону и протянула Ли вместе с правами. Тот скомкал листок и бросил в грязный салон машины, к пакетам из-под фастфуда и банкам колы.

– No pude realizar la verificación de antecedentes de él porque no había internet, – пояснила Джоди Элюю, давая знать, что пробить данные браконьера не удалось. И услышала в ответ:

– No estoy sorprendido, – что означало: «Я не удивлен».

– Что за мексиканцы такие, – пробормотал Ли себе под нос, возвращаясь на водительское место. – Остальные под нормальных косят, а эти даже не маскируются.

Он уже собрался захлопнуть дверцу, но Джоди протянула руку, не давая ей закрыться.

– Что вы сказали?

Браконьер и не подумал стусеваться. Он осклабился и горделиво подался к Луне:

– Я спрашиваю, какого хрена вы, латиносы, не ведете себя как все люди? Если хотите говорить по-испански, возвращайтесь к себе в Мексику.

– Vamos, – обратился дядя к Джоди, жестами призывая ее не развивать конфликт. – Nemos terminado aquí, ya. Vamos. Él no vale la pena. Tengo hambre. – Дескать, хватит, мы тут уже закончили, идем, а то я проголодался.

– Слово, которое вы пытаетесь найти, Трэвис, – «ассимилироваться», – процедила Джоди, гнев которой даже превосходил злость браконьера, и испепелила его взглядом. – Кого-то может позабавить, что человек, толком не владеющий родным английским, читает лекции о правильном произношении женщине, в совершенстве владеющей двумя языками и опубликовавшей на английском несколько книг.

– Ну круто, чё. – Браконьер был захвачен врасплох и разобиделся, как ребенок.

– И еще одно, Трэвис, прежде чем вы уедете, потому что, насколько я могу судить, вы разбираетесь в истории и законодательстве Соединенных Штатов не лучше, чем в английском языке. В нашей стране нет государственного языка. Более того, вы уже не в Аризоне. Вы в Нью-Мексико. Договор Гваделупе-Идальго от тысяча восемьсот сорок восьмого года, подписанный после войны, когда Мексика уступила США Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико, Неваду, Юту, Техас и Колорадо, гарантирует жителям всех этих семи штатов право говорить по-испански. Шесть из семи названий пришли из испанского, Трэвис, да и седьмое тоже не английское, а взято из языка юте. Как называется город, где вы живете в Аризоне, Меса? Оба эти названия –

испанские. Так что, если вы всерьез затеваете крестовый поход «говори только по-английски», вам следует либо перебраться в Нью-Йорк, либо начать в законодательном собрании штата кампанию за переименование абсолютного большинства поселений в Аризоне.

Ли снова попытался закрыть дверцу, и Луна снова его остановила.

– Я еще не закончила. Здесь, в Нью-Мексико, Трэвис, нас, латиноамериканцев, большинство. И в конституции штата не одно и не два, а целых три положения, защищающих наше право говорить по-испански. Тут много городков, где жители до сих пор общаются в основном на испанском, и в моей семье тоже беседуют именно на нем. При этом ни один из нас никогда не пересекал границу страны. Эту границу в тысяча девятьсот двенадцатом натянули на нас, как слишком тесную рубаху.

Ли окинул Джоди взглядом с головы до пят, словно ее выставили на продажу, и цыкнул зубом, отвергая услышанное.

– Теперь ты закончила, зайка?

Джоди выхватила пистолет из кобуры и, направив дуло в землю, шагнула еще чуть ближе к Ли. В глубине души она понимала, что идет на поводу у своего крутого нрава и поступает безрассудно.

– *Sobrina*, но, – встревожился Атенсио. – *Vamos*².

Луна не обратила на дядю никакого внимания. Ее питала сдерживаемая ярость, которая накопилась за годы, проведенные в колледже, а затем и в академических кругах, где ей пришлось столкнуться с более лощеной версией такого же невежества. Почти вплотную приблизив лицо к физиономии Ли, она улыбнулась холодной сдержанной улыбкой, заставившей браконьера наконец испугаться: в его взгляде отчетливо промелькнул страх.

– Хотя я от всей души расположена к зайцам и ценю их роль в поддержании экологического баланса, Трэвис, меня саму зовут не «зайка». – Глядя верзиле прямо в глаза, она со щелчком сняла с предохранителя оружие и убедилась, что этот звук услышан. – Меня зовут Джоди, но это имя только для друзей. А вы в будущем можете обращаться ко мне «инспектор Луна» и «мэм» или, раз уж вы в моем штате, «агент Луна» и «сеньора».

После этого она отступила на пару шагов, и Ли захлопнул дверцу, а потом опустил стекло и уставился на Джоди.

– Вы пожалеете, что вообще со мной повстречались, – процедил он.

– Уже жалею, – парировала Луна.

Трэвис врубил в салоне тяжелую музыку, завел мотор, и его автомобиль рванул с места, подняв облако пыли. Стоя бок о бок, Джоди и Атенсио смотрели, как фургон набирает скорость. Элой со вздохом положил руку на плечо племянницы.

– Восхищен твоей убежденностью и твоим терпением, – сказал он. – Черт, *sabes*³, я, бывало, пил текилу с Рейесом Лопесом Тихериной⁴. Но чтобы вот так? – Он показал на лес, на униформу, которую они оба носили, на пикап. – Тут ведь не какой-нибудь поэтический слэм, Джоди, а реальная жизнь.

– Думаешь, я не знаю? – огрызнулась та, сбрасывая его руку. – От тебя пахнет оленьими потрохами. Отойди.

– Ау, *tú*⁵ чересчур чувствительна к оленьим потрохам. Ты точно хочешь стать егерем? – Атенсио вынул из кармана рубашки солнцезащитные очки, надел их и сделал несколько неуверенных шагов к водительской дверце.

Они уселись в машину и несколько мгновений молчали, а потом Атенсио проговорил:

² Племянница, нет. Пойдем (*исп.*).

³ Знаешь (*исп.*).

⁴ Рейес Лопес Тихерина (1926–2015) – активист, борец за права американцев индейского и мексиканского происхождения, известный среди прочего своими спорными суждениями и жестокими методами.

⁵ Увы, ты (*исп.*).

– Думаю, лучше тебе научиться контролировать свой темперамент, не то он заведет тебя хрен знает в какие неприятности.

– Ничего со мной не случится, – бросила Джоди. Ей всю жизнь приходилось слышать нечто в таком духе.

– Среди тех, кто встретится тебе тут, будут психи и просто опасные типы.

– Хочешь верь, хочешь нет, но в академическом мире тоже хватает психов и опасных типов.

Атенсио рассмеялся, заводя автомобиль.

– Ты говорила. Но те, с кем ты будешь пересекаться здесь, попытаются не спихнуть тебя с должности, а бросить среди листвы на съедение койотам. Твое самое надежное оружие – не ствол, m'ija⁶, а хорошие манеры, милая улыбка и очарование.

– Да-да, до меня уже дошло. – Сидевшая с Элоем рядом Джоди пристегнулась, тихо радуясь тому, что в ближайший понедельник дядя вернется в свой 1972-й, или в каком там году он обитает, а она сможет вести сражения на свое усмотрение.

С понедельника она сама будет сидеть за рулем этого пикапа.

⁶ Дочка (*исп.*).

Глава 2

В следующее воскресенье Ивэн и Ивонна (оба произносили свои имена как «И-и-и-вон», оба были из Скарсдейла, что в штате Нью-Йорк, обоим стукнуло двадцать, и даже они сами не могли не признать, что внешность у них удалась на славу) оставили свой удобный, стильный и усовершенствованный минивэн «мерседес-спринтер» с ласковым прозвищем И-вон Великий, чтобы прогуляться до красивых горячих ключей неподалеку от пика Лоуэр-Фресита в лесном заказнике Сан-Исидо округа Рио-Трухас. Именно эти горячие ключи, находящиеся в стороне от проторенных дорог, становились очень популярны среди их соперников. Ивонна впервые увидела местные источники в постах злобной сучки Тейлор и сказала Ивэну, что не позволит этой потаскушке и обманщице взять верх. Теперь у территории, где они сейчас находились, появилось целое комьюнити с хештегом #тайныескалы. Всякий, кто претендовал на существенное место в сообществе путешественников на минивэнах, беспрерывно рыскал по свету в поисках великолепных локаций, где можно сделать красивые умиротворяющие снимки и где до них никто не бывал, а значит, Ивэну и Ивонне непременно нужно было нащелкать видов горячих источников у Лоуэр-Фреситы. Если повезет, неплохо бы еще найти в окрестностях какое-нибудь новое место, где до них никто не засветился.

За почти восемь месяцев жизни в минивэне чета обзавелась двумя с лишним миллионами подписчиков своего аккаунта «И-вон Великий» и парой-тройкой отличных спонсоров. Конечно, этому поспособствовал и внешний вид молодых путешественников (этакие Кен и Барби в нарядах стиля бохо), и шикарный минивэн, мечта неохиппи. Интерьер, выдержанный в бежевых тонах, гитары, подвесные растения, деревянные элементы убранства и точно выверенное количество предметов апельсинового цвета, как бы согревающих салон, – обстановка была воплощенным совершенством. Чтобы не сбавлять оборотов, молодые люди выработали определенную стратегию и обратились к помощи профессионального телепродюсера, Барри. Его нанял отец Ивонны, когда та стала зарабатывать почти столько же, сколько ее старшая сестра-дурнушка на скучной бухгалтерской должности. Барри произвел подсчеты и обнаружил, что больше всего лайков и репостов набрало фото, где возле Ивонны, которая любовалась бомбическим панорамным видом из-под широкополой летней шляпки, торчала из естественного водоема загорелая упругая попка некой юной прелестницы, едва прикрытая символическими яркими плавочками. Проще не придумаешь; Ивэн и Ивонна и сами понимали, в чем тут дело, хоть и не поверхностные какие-нибудь. Впрочем, прагматизма у них тоже хватало: если показывать публике то, что она желает видеть, они смогут самостоятельно финансировать дальнейшие супер-пупер-крутые путешествия, не кланча постоянно денег у родителей, которые явно считают, что средства лучше бы потратить на колледж. Старики ведь просто не понимают, что колледж не поможет им зарабатывать больше, чем сейчас, а на «Ютьюбе» можно в любой момент получить какие угодно знания. К тому же, если у тебя тренированное красивое тело, значит, ты не зря ведешь этичный образ жизни продвинутого вегана, поэтому значительная часть контента пары была посвящена приготовлению прекрасных блюд на варочной поверхности минивэна. Но народу хочется секса, и тут уж ничего не поделаешь. Секс хорошо продается, ведь люди, по сути, животные, и никто в этом не виноват.

Когда парочка наконец добралась до укромного места с несколькими ключами, было около восьми вечера, и солнце уже клонилось к далекому горизонту. По счастью, вокруг не оказалось никого, кроме них. Ивонна заявила Ивэну, что она бы убила его и сама сдохла, если бы тут обнаружился какой-нибудь голый толстяк преклонных лет. Ивэн и Ивонна смотрели на открывшийся перед ними вид, включающий деревья, поляну, цветы и прочие радости, и сердца молодых людей трепетали от восторга, но не оттого, что красота отзывалась в их душах: просто в подобных декорациях можно сделать офигенно крутые фотки. Еще бы, целых три горячих

пруда, самый большой и фотогеничный по центру, а от них открывается вид на всю гору и на долину внизу. Идеальное место, настоящий Эдем. А еще повсюду росла земляника с маю-сенькими алыми ягодками – такая милота просто создана для отличных снимков! Поражало, какой обзор открывался с этого места, куда ни посмотри. И слава богу, не было ни облаков, ни дождя, хотя далеко-далеко аж в двух местах явно бушевали серьезные грозы, рассекая молниями горизонт. С огненными росчерками, звездами, которые только-только появлялись на небе, закатом и далекими грозами потенциал будущих кадров зашкаливал. Чтобы поймать молнию, Ивэн собирался использовать режим серийной съемки и видео. Дураку ясно, что должно получиться улетно.

Пока Ивэн, изучавший в свободное время искусство фотографии, устанавливал штатив и складные фотоотражатели, Ивонна разделась до мандаринового бикини и желтой широкополой шляпы. Потом подправила макияж, который должен был создавать впечатление, будто она вообще не накрашена, и слегка растрепала пальцами длинные волосы. В таком виде она забралась в горячий источник, который, если честно, мог бы быть и погорячее. К тому же вода пахивала серой, но тут уж ничего не поделаешь, природа ведь не предусмотрела кнопку, чтобы включать и выключать вулканическую активность. Зато выглядело все это потрясающе и, следовательно, могло стать контентом, который способен озолотить. Стараясь не испортить прическу и макияж, Ивонна нашла удачную точку у дальнего края пруда и поплыла, отвернувшись от камеры, будто любуясь далекими грозами, и старательно выставляя задницу.

– Хорошо, – одобрил Ивэн, – но, может, лучше немного правее сдвинуться, вон туда, типа на пару футов. Ага, вот так, супер. Там и оставайся, детка. У меня почти все готово.

И тут он вдруг заорал. Ивонна никогда не слышала от него подобных криков, даже когда он однажды свалился с приставной лестницы в штате Мэн. В вопле Ивэна рев раненого динозавра смешался с ором недовольного младенца, от него стыла в жилах кровь и сбивался всякий настрой фотографироваться. Когда Ивонна потрясенно повернулась в воде посмотреть, что за ерунда там происходит, она нечаянно намочила половину лица.

– Господи, что за херня такая! – верещал Ивэн, согнувшись так, будто только что получил под дых коленом. Он уронил и фотоаппарат, и штатив. Одну руку парень прижимал к щеке, а второй показывал на землю, туда, где у его ног росла высокая трава вперемешку с луговыми цветами.

– Что там такое?

– Рука, мать ее дери! – Ивэн подался назад, мотая головой.

– Что?

– Гребаная рука, говорю! Человеческая! Тут человеческая кисть!

– Где?

– Вон валяется. Под этими миленькими цветочками среди земляники.

– Типа лезет из-под земли, как у зомбака? – Ивонна подплыла поближе, но все равно не могла ничего разглядеть.

– Нет, она сама по себе, по ходу, валяется на земле. Кажется, ее отрубили и бросили.

– Ты уверен?

– Уверен, конечно! Почему ты вечно во мне сомневаешься?

– Не сомневаюсь я в тебе!

– А чего тогда спрашиваешь, уверен ли я? Еще как сомневаешься, Ивонна.

– Ну извини. Просто бывают такие странные грибы, которые похожи на куски тела. Глянь, может, все-таки гриб.

– Какой, на фиг, гриб, там ногти с маникюром и кольцо!

– Seriously?

– Посмотри сама, если не веришь.

– Ладно, дай полотенце.

Вытершись, Ивонна подошла к Ивэну и сморщила нос, увидев руку, а потом принялась моргать, будто надеясь, что та исчезнет.

– Гадость, – буркнула она.

– Гадость?! – переспросил Ивэн, не веря своим ушам.

– Ну да. Кошмарная гадость, теперь вся съемка испорчена.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Ну, в смысле, это, конечно, печально. И ошизеть какая жуть.

– Ивонна, это не муляж. Это настоящая рука.

– Я понимаю.

– И ты так спокойно себя ведешь? – возмутился Ивэн.

– А что я, по-твоему, должна делать? Взять с тебя пример и завизжать, как дошкольница?

– Вот это ты зря, – упрекнул Ивэн.

– Я в том смысле, что визгом делу не поможешь, согласен?

– Да.

– И что дальше? – спросила Ивонна.

– Думаю, надо копов вызвать.

Ивонна пожала плечами, будто сомневаясь.

– Ну а как иначе? – настаивал Ивэн. – Обязательно нужно позвонить в полицию. Мы же человеческую руку нашли.

– Как бы да, – протянула Ивонна, которую его слова не убедили, – но как же съемка?

– Фиг знает.

– Может, это даже не настоящая рука, – предположила девушка.

– На вид очень даже настоящая.

– А если нет? А мы такие ничего не снимем, и Тейлор нас окончательно уделает. В очередной раз. У нее уже три миллиона подписчиков. То есть на миллион больше, чем у меня.

– У нас.

– Да, извини. У нас.

– Даже не верится, что ты сейчас переживаешь насчет подписчиков.

– Ивэн, это ведь как бы наша работа. Речь не о моем эгоизме, а о деньгах. Не сочти меня сволочью, но я пытаюсь сбалансировать наши профессиональные нужды с гражданским долгом. Ехать сюда долго, бензин дорогой. И у нас есть обязательства перед спонсорами.

– Ладно, и что ты предлагаешь?

– Обязательно позвонить в полицию, но после того, как закончим съемку.

– То есть... блин, я даже не знаю, что и сказать-то, – пробормотал Ивэн.

– Пойми, эта штука никуда не денется, – Ивонна показала на кисть. – Так и будет здесь лежать.

Ивэн вздохнул.

– Мы быстренько, – убеждала его подруга. – Ты же знаешь, на кону большие бабки.

– Конечно, знаю.

Они еще посомневались, думая о своих планах, о расходах, на которые пришлось пойти, чтобы сюда добраться, о том, что нужно уложиться в срок, дабы не разозлить спонсоров, и все это при полном отсутствии плана Б.

– У нас же почти все готово, – напомнила Ивонна партнеру, который уже был с ней, как говорится, на одной волне.

– Ага, а завтра сюда целая армия копов набежит, и вообще ничего снять не удастся.

– А это по bueno⁷.

– No bueno.

⁷ Нехорошо (исп.).

– Давай тогда быстренько сделаем несколько кадров. Одна нога здесь, другая там. А потом рванем к машине.

– Ага, точно. Но эти грозы с закатом нельзя упускать, ты только глянь, какой свет!

– Ради этого мы в такую даль и приперлись. Конечно, полный отстой с этой кистью, и девчонку жаль, так что свой гражданский долг мы выполним, но и дело тоже делать нужно.

– Да, придется отработать все по полной.

После этого Ивэн снова взялся за установку штатива, а Ивонна подправила макияж, чтобы выглядеть так, будто она даже и не думала краситься, и полезла в теплую, пахнущую серой воду, чтобы можно было сделать идеальный снимок ее задницы.

Глава 3

В понедельник Джоди проснулась в 5:29 утра, когда еще не начала играть одна из ее любимых песен Люсинды Уильямс, стоявшая в качестве звонка будильника на телефоне. Маленький домик, где жила Джоди Луна, когда-то был построен вручную из саманного кирпича и имел форму буквы Г. Увенчанный скатной крышей из гофрированного металла, он угнездился в долине Овехитас, альпийские луга которой пересекал бегущий посерединке одноименный ручей. С трех сторон долину окружали горы, четвертая завершалась плоским холмом, откуда открывался вид на раскинувшиеся внизу пустоши.

Дом еще в 1860 году построил ее прапрапрадед Элиас Чавес Сан-Хуан де Баутиста. Он же засадил участок яблоневыми, грушевыми и персиковыми садами. Потом поместье переделялось и поддерживалось последующими поколениями (кто-то из предков справлялся лучше, кто-то – хуже), и наконец в 1985 году дом вместе с угодьями достался отцу Джоди, когда та была еще ребенком. После этого постройки и участок будто бы застыли во времени, потому что отец направлял свою энергию главным образом на ранчо Атенсио, наследство жены. Оно было куда больше размером, там выращивали крупный рогатый скот и овец. В конце концов отец переименовал ранчо в «Луналенд». Перед тем как два года назад сама Джоди вместе с двенадцатилетней на тот момент дочерью переехала в семейное гнездо, именуемое в семье «хижиной старого Баутисты», там обитали лишь мыши, обычные и летучие, а люди навещались разве что в выходные, поохотиться или порыбачить. Однако дом оставался крепким, а когда Джоди в прошлом году заказала новую крышу, стал и вовсе хоть куда. Еще ей, пусть и с трудом, удалось выкроить время, чтобы всерьез разобраться с водопроводом и канализацией, посадить цветы и овощи, отодрать ворсистый ковролин, чтобы стали видны половицы из бледных сосновых досок, и заново оштукатурить толстые глинобитные стены, которые теперь приобрели успокаивающий кремово-белый цвет. Кухня, ванны и туалеты по-прежнему нуждались в ремонте, но там все работало, и ими вполне можно было пользоваться. За домом располагался большой коричневый амбар с круглым загоном, а вокруг были разбросаны всякие сараюшки, где хранился инвентарь, который может пригодиться на небольшой ферме. Слева от дома и амбара стоял изолированный теплый гараж, достаточно большой для нескольких грузовиков и с собственной кухонькой. Сейчас в нем размещались маленький компактный трактор и вездеход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.